Солнце яростно пробивалось сквозь плотную ткань.

Андрей проснулся сразу. Шторы цвета кофе с молоком. Лежал, рассматривал рисунок. Завитки, похожие на виноградную лозу, были почти коричневыми, заплетались барашками затейливо.

Жена спала рядом. Андрей разглядывал витиеватые сплетения, завитушки «усов». Вдруг он подумал, что они похожи на гребни волн, чередой догоняющие друг друга.

Он вспомнил высокий глинистый берег. Ослепительное зеркало воды.

Река. Широкая – на уровне глаз. Да – берег высокий и глинистый. Он и одноклассник Серега ловят раков. Запускают руки в норы, ждут, когда рак схватит клешней палец, чтобы сразу выкинуть добычу на берег. Руки, ноги, живот – в воде, спину обжигает беспощадное солнце, и хочется окунуться в воду, освежиться хоть немного.

Пацанва купается, лето в разгаре. Вдруг вдоль руки стремительно, будто стараясь вырваться на волю, изогнулся плавник. Скользнула рыбина. Что-то щучье и змеиное одновременно в длинном, узком теле мелькнуло, вскинулось навстречу и тотчас исчезло в плотной илистой мути.

Вода всколыхнулась, нежно щекотнула руку. Он не успел подумать – от чего это так? А рыба уже ударила хвостом, брызги воды в лицо – ослепили. Заставила вздрогнуть, напугала пружинистым напором сжатого тела, спасая свою жизнь. Он ужаснулся, заслоняясь руками. Увидел особенным зрением все это – сразу, но как бы со стороны.

Потом, хватаясь за корешки, выступы, оскальзываясь на глине, мокрой от обильно стекающей с него воды, мгновенно взлетел наверх. Мелькнул на солнце влажным, загорелым телом.

Страх помог. Стоял, дышал глубоко, освобождаясь от пережитого только что, стесняясь своей трусливой стремительности, смотрел вниз. Река, узкая в этом месте, изгибалась и плавно катилась дальше. Белая от солнца, равнодушная.

Рыба ушла, исчезла в прибрежной мути, словно и не было ее вовсе.

Серега – стриженный под ноль, крепко сбитый. Большеносый, белозубо смеялся, лучился загорелым лицом, глядел из-под берега, снизу, стоя по грудь в желтой взвеси взбаламученной воды.

– Эх ты, рыбак! Налима упустил! Килограммчика на два! У него такая большая печень. – Показал руками. – И-и-и, скусна-а-ая! А питается – падалью! Так что не переживай! – Серега махнул рукой.

Потом засмеялся, видно, не со зла укорил рыбацким невезением, побрел к пологому спуску – немного дальше, чтобы спокойно взойти на берег.

Он жил недалеко, в частном доме, брал с разрешения отца лодку и знал про реку очень много. Больше, чем Андрей про свой микрорайон.

Андрей досадовал на невезение, но успокаивал себя тем, что уж очень рыба скользкая, руками не схватить, и в нем возникло брезгливое ощущение от слова «падальщик», представил вялое шевеление утопленника среди плавных извивов водорослей, в легкой придонной мути.

Подумал, словно оправдываясь и молча соглашаясь с Серегой:

– Вот и хорошо, что ушла! Зачем мне нужен… трупоед! Невелика радость от такого.

…Андрей лежал с закрытыми глазами, боялся шевельнуться и потревожить чуткий сон жены. Прислушался. Спит беззвучно – не показалось. Свернулась калачиком и ничего не знает про налима. Он подумал о том, какая она деликатная. Стало радостно и грустно одновременно.

Ему захотелось приобнять, сграбастать Алену, увидеть милое лицо, поцеловать, закопаться в одеялах и простынях. Искать, прикасаться друг к другу, смеяться и дурачиться. Он придержал дыхание, потом беззвучно вздохнул.

Отдаленно слышались через приоткрытое окно птичьи голоса из березовой рощи за домом. Кто-то коротко просигналил, разговор, хлопнула дверца автомобиля, легкий шум – уехали.

Дочь была у бабушки, можно расслабиться и блаженствовать, не смотреть на часы.

Суббота.

Он накинул рубаху. В синюю с белым клеточку. Со студенческой поры ему нравились рубашки в клеточку. Куртки-ветровки и одежда, в которой было много карманов. В них помещались ручки, книжки, диктофон, сигареты и обилие разных, необходимых и важных предметов. При этом руки были свободны. Можно было шагать долго и далеко, помогая себе, давая отмашку руками.

Он сидел на кухне в трусах и полузастегнутой рубашке, пил кофе, раздумывал мучительно – закурить или сначала умыться. А уж потом закурить и еще выпить чашечку кофе. Решил, что если начнет умываться – разбудит жену, тотчас закурил, глубоко затянулся, ощутил легкое головокружение от первой сигареты и еще сильнее захотел выпить кофе.

Мобильник нудно завибрировал, задвигался над сердцем, в кармане рубахи. Пульсировал зеленым светом, проявился настойчиво сквозь ткань противным насекомым, словно пытался выпрыгнуть на волю. Сразу захотелось его прихлопнуть и сидеть в тихом раздумье, смотреть в окно и спокойно курить.

Он достал из кармана мобильник.

Андрей – редактор отдела новостей. Единственное, что омрачало сейчас его хорошее настроение, – дежурство в редакции. А это – лотерея: выдернут на срочный вызов или нет! Пять минут на сборы – и вперед! Новостная лента должна двигаться непрерывно, иначе возникнет информационный вакуум и грянет взрыв беспокойного любопытства и – катастрофа. Невозможно остановиться, надо все время думать о том, чтобы выдавать в эфир все новые и новые новости. Такая технология.

– Желательно – свежие новости. Срок их годности – семьдесят два часа. Старых новостей не бывает. Только новые новости… Вот еще – типичный пример тавтологии!

Он глянул на дисплей. Мобильник показывал 8:47. Высветилось имя – «Лена», и он ответил.

Это была Ленка Осипова, дежурный редактор.

– Спишь? Не разбудила? – Наждаком по уху, голос долго молчавшего курильщика со стажем.

– Нет – не спишь! Это ему кажется. Бегущей строкой, титрами понизу экрана – «Это ему кажется», – ответил тихо. – Во сне – бормочу.

Ленку представил в свитерке, джинсиках, рука на отлете, сигарета – вечный дымок негасимого вулканчика – курится. Мать-одиночка. Конечно, поэтесса, член литобъединения и автор-исполнитель собственных песен. Вечная романтика!

– Извини, Дрю. Я на выпуске, не сорваться.

– Ладно… Чего уж там – вещай! Что-то срочное?

– «Горячий пирожок»! Позвонили из вэчэ. Майор… сейчас, да, вот – фамилие. Фундамент копали строители с утра пораньше, чуть свет не спамши. Обнаружили мины неразорвавшиеся. Много мин. Адрес… Да! Запишешь? Запоминай. Машину прислать?

– Будет тебе – всю редакцию поднимать по тревоге. Пока Михалыча подгонишь, все уже разбегутся! Пехом доберусь. Это же новостройка в моем районе. Пару остановок. Попробую успеть к вечернему выпуску со своей горячей байкой.

– Если что – с диктофона на мобилку запишу, подмонтирую, – пообещала Ленка.

– До связи.

Бриться Андрей не стал. Умылся на кухне, рот ополоснул. Рукой смахнул со щетины на подбородке непослушные остатки влаги. Свежесть осталась.

Залпом допил кофе.

Разгрузка, сумку привычно на плечо. Вышел, тихо прикрыл двери.

Середина мая. Одуванчики весело подсвечивают желтыми фонариками газоны. Окраина города. Когда-то тут были огороды, да строители их разорили. Фундаменты хибарок, летних времянок – укрыться от солнца, инструменты сложить, карка-

сы тепличек с рваными лохмотьями старой пленки. Сиротливо, без хозяев. Почему-то особенно жалко стало отцветающие яблони, вишни, сливы и груши. Кусты черной смородины, крыжовника. Черемуха тоже отцвела, и было по-летнему тепло, но она – растение вольное, не огородное. Само себя защитит, напомнит кратким похолоданием.

– Черемуха – русская сакура, – включил диктофон, записал эту странную фразу.

Просто так, чтобы проверить, работает ли диктофон.

Прошел за ворота – хлипкий каркас, сетка-рабица поверху. Пробирался через горы песка, строительного мусора. Большой микрорайон активно застраивался.

Котлован неглубокий огорожен, кое-где сваи торчат. Желтый, влажный песок. Экскаватор с поднятым ковшом. Криво, на прутиках-рейках, висела пестрая лента ограждения. Машина армейская зеленая – «разминирование» на борту, молчаливая мигалка на кабине. Рядовой ходит с жезлом, в каске, следит, чтобы не приближались любопытные. Строители угрюмо толпились, курили у бытовки и приближаться не собирались.

«Первый ТВ-канал еще не пронюхал! Хорошо! Мы сегодня первые!» – порадовался молча Андрей.

Он показал удостоверение сонному охраннику, назвал фамилию майора, прошел к самому краю котлована. Наговорил текст про то, что город спит, а вот тут осколки прошедшей войны напоминают о себе подгнившим больным зубом. Затаилась опасность!

Попросил экскаваторщика завести двигатель, поработать несколько минут. Повторил «отсказ» – «затаилась смертельная опасность, а город спит». Махнул рукой – стоп!

– Ковш буквально в санцыметре прошел, рядом, и вот, с угла, – вижу, чушка такая… ржавая морда торчит. А там – еще… и опять – еще, – делился наблюдениями экскаваторщик.

«Хорошо! Живая реакция. Надо будет сохранить это косноязычие», – подумал Андрей.

– Мы фундамент под нулевой цикл двенадцатиэтажки должны были сегодня выработать, я прораб на этом участке, – делился неказистый мужичок в спецовке с цепким взглядом из-под кустистых бровей.

Потом сунул корявую дощечку руки. Андрей машинально протянул навстречу свою. Прораб сжал ее, стало больно. Пришлось выдергивать, стало неприятно, и он отвернулся, чтобы не закричать на невзрачного человека.

Из армейского «бобика» вышел майор. Поздоровались. Андрей включил диктофон, познакомились – еще раз, для эфира. Фамилию записал в блокнот, майор прочитал, кивнул – верно. Попросил подождать немного, видно, волновался, потом махнул рукой, и Андрей включил диктофон.

Майор кратко доложил, что мины старые, немецкие, четырнадцать штук. На подушку песчаную сложены в машине. Сейчас их вывезут на полигон и уничтожат. Помолчал.

– Стодвадцатимиллиметровые мины. Немцы украли у нас образец миномета. До войны. Потом документацию захватили в Харькове, на заводе, когда наступали. Тыщи три их успели наклепать за войну. Может, и больше – чуток. Я думаю, кого-то расстреляли за это… разп… раздолбайство, – сказал майор, – как врагов народа!

«Ленка подчистит… без расстрела. Это уже другая тема», – подумал Андрей и спросил:

– Сложно было? Опасно? Можно к этому привыкнуть?

– А вы как думаете? Ржавые – вот в чем затыка. Весит она пятнадцать кило. Взрывчатки в ней три кило. Практически боеспособные. Взведенное состояние. Каждый раз по-разному, понимаете! Двух одинаковых случаев не бывает.

«Кило, кило, – подумал Андрей, – как яблоки ведрами на базаре».

Полиция прибыла с мигалкой.

«Сейчас включат сирену, запишу для антуража, фоном, и поеду в редакцию», – подумал Андрей.

Привычно и буднично.

Майор стоял, думал что-то свое, оглядывал строго происходящее на стройплощадке.

– Не хотите с нами? На ликвидацию, – спросил пытливо, в глаза смотрел прямо.

– Я уж думал, самому напроситься, да постеснялся. Хорошая идея! – сразу согласился Андрей и подумал: «Времени до эфира навалом, но может получиться полноценный репортаж».

Они тронулись в путь. Двигались неторопливо, будили сонную тишину улиц. Полицейские впереди предупреждали по громкоговорителю. Слова отскакивали эхом от панельных домов, накладывались тревожно, люди появлялись на лоджиях, быстро исчезали.

Дорога пустынная. Хорошо, что день нерабочий, ротозеев нет.

Андрей наговаривал в диктофон про все, что видит. Получилось несколько патетично, на фоне сирены, а еще и взрыв, перед финальным отсказом запланировал. Немножко мелодраматизма – но очень хорошо ляжет к финалу репортажа.

Он был доволен.

Майор оглянулся, глянул на Андрея внимательно, промолчал.

– Лесом едем – лес поем, степью едем – степь поем! – пошутил Андрей. – Специфика работы.

Получилось, вроде как извинился за многословие.

Майор и солдат-водитель переглянулись, промолчали.

Полицейские развернулись у края леса, уехали. Потом пошла лесная дорога. Машина двигалась медленно, осторожно – вперевалку, словно лежало поперек кузова коромысло, а по краю ведра до краев с водой, и нельзя было расплескать ни капельки.

Где-то в стороне мелькнул несколько раз забор из бетонных плит, кубиками напомнили плитку белого шоколада, колючая проволока на столбах смотрелась странно среди густого, спокойного леса.

Андрей это обстоятельство отметил, но вдруг опять вспомнил рыбу, попытался представить сейчас, как выглядела тогда река, и не смог. Ему остро захотелось этого, но в памяти были лишь яркие солнечные пятна, промельк плавника, ослепительные блики на воде мешали, гасили другие впечатления. Он почувствовал досаду, а тут уж и приехали.

Сержант и рядовой осторожно нянчили мины, переносили на руках в неглубокую ложбинку на открытой поляне. Андрей из-за сосны, там, где указал стоять ему майор, наблюдал на расстоянии, как ловко и уверенно работают саперы. И опять ослепило яркое солнце, словно кто-то сверху пускал зайчиков, стараясь попасть точно в глаза, отвлекал Андрея от основного действа на поляне.

Он неожиданно понял, что лес тогда, на противоположном берегу реки, выглядел точно так же, как этот сейчас. Разве что колючей проволоки не было. Зеркало поиграло бликами, Андрей увидел себя мальчишкой в глинистой мути, по пояс, у берега, собственные страхи сейчас вдруг показались по-детски смешными.

Он отогнал наваждение.

В лесу тишина, душно и сухо, спичку поднеси – и вспыхнет, только птицы какие-то невидимые не знают ничего, тенькают негромко. Он поднял голову. Давящая духота гнетет к земле – будет гроза.

Взрыватели ему показали шнуры белые, похожие на электрические провода. Наверное, бикфордовы. Засомневался в названии, решил спросить у майора, уточнить. Попросил зажечь небольшой кусок, отвлекся. Огня не было видно, лишь легкий серый дымок быстро двигался внутри шнура – шипел неотвратимо и негасимо, оставляя невесомый пепел. Записал эту фразу – пригодится. Перед взрывом вставить неплохо. Или на фоне разговора. Может быть, стихотворение про войну наложить на взрыв при монтаже? Так будет короче, и слова не затертые.

– Вы, я вижу, все подряд записываете, – сказал майор, – а сколько про это все будете рассказывать?

– Минут пять-семь!

– Так у вас уж, кажется, на целый час набралось! – сказал майор.

– Как говорил Антон Палыч Чехов, чтобы написать хороший рассказ, надо иметь на два. Хотя текст для эфира отличается от написанного текста. Много чернового материала улетает в мусорник. Микрофон – такое коварное устройство – ловит любую фальшь! Поэтому очень трудно вести передачу в прямом эфире. Бывают разные ляпы, веселые и не очень. Вот, например, диктор вышел в эфир и объявил: «Местное время – четырнадцать часов пятнадцать копеек!»

– А мне и книжку некогда раскрыть, – сказал майор, – подъем-отбой, отбой-подъем. День-ночь – сутки прочь! Вот у вас жизнь интересная!

– Да уж! Скучать не приходится! Даже в субботу!

Потом белобрысый сержант сдвинул на затылок пилотку, она каким-то чудом там держалась, поджег шнур, спустился в окоп. Они с майором спрятались в другом окопе.

Андрей включил диктофон, выставил вверх руку. Майор немного осадил ее, потянул за локоть вниз, не выше бруствера. Андрей молча подчинился. Напряжение было разлито в воздухе. Потом раздался взрыв. Андрею показалось – очень громко, с раскатистым треском разорвалось, словно толстый ствол расщепило в один миг. Он ждал взрыва, готовился, но все равно непроизвольно вздрогнул.

Майор попросил включить запись. Прослушал. Остался недоволен.

– Стыдно! Пердеж, извините, какой-то, а не взрыв! Будем считать первую попытку неудачной. Сейчас повторим. – Нахмурился, стал отдавать приказания.

Сержант и солдат, сгибаясь, принесли по его приказу из глубины леса тяжелую авиационную бомбу. Потом разбрелись в разные стороны, натаскали, как дрова, мины, снаряды. Изъязвленные ржавчиной, но внешне не опасные – металлолом. Аккуратно сложили их в общую кучу.

Опять сидели в окопе. Шипел горящий шнур, ждали взрыва. Тишина была уже не такой звенящей, хотя в ее глубине по-прежнему таилась опасность.

Обильный пот увлажнил волосы, катился по лицу, спине.

– А – е… пэ-рэ-сэ-тэ! Вы же без каски, товарищ корреспондент! – вдруг явственно сказал майор.

– Так и вы – без каски!

– У меня голова деревянная! – ответил майор.

Раздался оглушительный взрыв. В ушах зазвенело, очень тонко, надоедливо. Андрей понял, что задержал дыхание, ждал взрыва, а сейчас его бросило в жар, он шумно вздохнул, полной грудью, потом успокоился и слушал тишину затаившегося леса, пытаясь понять, сильно ли оглох, надолго ли это у него?

Майор сходил, полюбовался воронкой, вернулся. Принес запах пороха, свежей, развороченной земли. Попросил прослушать запись.

– Вот! Нормально! Теперь – даю добро, товарищ корреспондент! – Заулыбался.

Андрея подвезли в военный городок. Ему показалось, что майор хочет о чем-то сказать, расспросить, но отчего-то не решается. Или может быть даже уехать вместе с ним. Махнуть на все рукой и уехать! Сидеть в городском кафе, пить водку, задыхаться в ее теплой сивушной волне, обмениваться короткими, внешне незначительными фразами. Емкими, с подтекстом. Эх, если бы времени больше, сделать солидный материал, действительно на полчаса, о жизни и службе этого замечательного «пахаря» – майора.

Лаконичный, мужской, уважительный разговор, внешне похожий на незатейливый треп, но с какой-то внутренней пружинкой.

Некогда! Может быть, вернуться попозже к этому материалу? Вряд ли – очень уж он событийный.

Они обменялись телефонами.

Стояли на остановке, молча курили. Звенело в ушах по-прежнему тонко и утомительно, отвлекая, и другие звуки, мирные, со стороны трех пятиэтажек военного городка, напротив, прорывались сквозь этот звон.

Андрей коротко придремал в автобусе, на горячем сиденье. Вскинулся, бодрость почувствовал, показалось, что спал долго. Глянул на часы: минут на десять всего отключился. Это тоже с опытом появилось.

Он позвонил маме, услыхал голос дочки, но вдруг расхотелось говорить. Он понял, что с ней все в порядке, но говорить сейчас не сможет. Распрощался.

Смотрел за окно.

Автобус петлял, делал неведомые Андрею остановки, кто-то входил, выходил, что-то говорили. Какие-то люди, и он среди них едет в незнакомом городе, где не был ни разу и попал сюда по странной случайности. Какая-то диковинная смесь дальней командировки и возвращения откуда-то, чему он не может подыскать названия, или он еще только выехал в командировку? И пытается вспомнить, а что же он там должен сделать и с кем встретиться? И никак не может прорваться сквозь ступор тяжелой усталости.

Куда его только не заносили задания редакции! И ничего толком не увидел, до конца не ощутил. Тамошние красоты, достопримелькательности, интересовали лишь с точки зрения полезности, насколько они ложатся в контекст темы, задания. И как с цветка на цветок. Что же он нес с этих «цветков»? Нектар? Если бы. Искал жемчуг в навозе. Состоявшийся журналист, журналюга. Дилетант! За несколько часов надо въехать в тему, вникнуть, раскрыть, разжевать, донести просто и ясно, интересно, улыбаясь – все на продажу! И никому нет дела, голова у тебя болит или… печень! Он пыжится, старается, тиражирует, вываливает на миллионы голов, ушей, людей, находясь в центре события. Потом его подхватывает другое событие, срочные дела, об этом уже подзабыли через два-три дня. Тщеславие гонит, торопит, надо успеть, уложиться, напомнить всем о себе, словно уколоться этим допингом, потешить ненадолго тщеславие.

«Сделает ли это кого-то лучше? А уже плавно приближается сороковник, – подумал грустно и устало, – бегаю, как пацан с сачком за неуловимыми бабочками, наслаждаюсь сиюминутным эффектом, эфемерной властью над теми, кто с той стороны микрофона. Создаю мифы из пустоты эфира, чтобы они превратились очень скоро ни во что и растворились в пустоте. А потом все повторяется. Стойкая зависимость от событий в пустоте – вокруг! Информационный наркотик».

В редакции выпил крепкий кофе, понял, что проголодался, но буфет был закрыт – суббота, да и времени до эфира почти уже не оставалось. Ленка принесла на блюдце четыре печенюшки. Они хрустели во рту, ранили нёбо. Потом приклеивались к деснам мягким комом, мешали говорить, отвлекали.

Прополоскал рот в туалете, глянул на себя в зеркало над раковиной, подумал: неинтеллигентная какая… харя! Глаза красные, небритый! Вот бы сейчас на экране брутально смотрелся! На фоне взрыва – взгляд прямой, микрофон крепко держит! Только видно, как пальцы крепко сжимают микрофон.

Полез в карман. Достал крупный осколок. Злой, колючий, слегка вытянутый, выгнутый, блестящий

Тщеславие гонит, торопит, надо успеть, уложиться, напомнить всем о себе, словно уколоться этим допингом, потешить ненадолго тщеславие.

крупицами кристалликов разорванного металла. Сержант белобрысый подарил.

Кинул в никелированное ведерко под раковиной. Звук получился громкий, и он вздрогнул. Ощущение тепла осталось в ладони.

Вернулся в редакцию. Закурил, дым пускал в открытое окно, подумал: «Такая мелкая деталь, как и все вокруг, соединенное, сцепленное в ужасное и прекрасное, тесно спаянное и постоянное напряжение от того, что серединки-то на самом деле нет. Есть условный переход из одного состояние в другое. Между ними невидимый зазор внутри звеньев, в длинной цепи случайностей, и я пытаюсь найти в их череде логику, последовательность, смысл и закономерность в тайных знаках, посланных кем-то. Расшифровать, узнать что-то еще и облегчить себе жизнь и существовать дальше, опять чего-то ожидая… Так и грызу – черствое печенье своих дней. Да. Не забыть бы эту мысль!»

Эфир прошел нормально. Ленка принимала звонки, оживилась, сидела в студии, была в центре внимания «широких масс», поблескивая очками, улыбалась радостно через стекло, наушники наезжали на ямочки щек, показывала большой палец – удачный материал. Стих какой-то свой стала читать. Андрей вспомнил вдруг, что и сам про стих подумывал, да вот опять ускользнуло от него. Досаду коротко ощутил – жаль, не записал. Привык все записывать. Какая-то странная память от этого становится – записать, чтобы забыть!

Он устал и был опустошен.

Позвонил жене. Она настрогала разные салаты. Договорились, что на ужин приготовят рыбу с сухим вином. Тихо, вдвоем, по-семейному – в кои-то веки, будут «домушничать», никуда не пойдут, пока дочь у бабушки.

Андрей забежал в супермаркет. Долго выбирал вино. За ним пристально наблюдал пожилой худощавый старик. Стильный, в белой бейсболке, карминного цвета рубашке с короткими рукавами, в светлых джинсах. Пижонистый по виду дедок.

– Может быть, это? – показал старику этикетку вина «Совиньон».
– Вчера хотел пукнуть и нечаянно обосрался, – сказал вдруг старик. После этого я перестал вообще что-либо понимать. Хотя мне всего-то шестьдесят восемь лет. И служил на границе, не в штабе жопу плющил об табуретку. Когда-то очень давно – отслужил.

Он огорченно махнул рукой, ссутулился, ушел к лоткам с фруктами.

Андрей купил чилийского белого шардоне. Ходил вдоль длинного прилавка, придирчиво выбирал на свое усмотрение рыбу.

– А что вот это за зверь? Вот этот хищник.

За стеклом аквариума-витрины на дне затаилась странного вида рыба. Что-то в ней было отдаленно знакомое.

– Налим!
– Не узнал, – подивился он, рассматривал, наклонился ближе, – вот этот вот… экземпляр, будьте добры. Килограмма два будет? Вот и хорошо!

Рыба пыталась вырваться из пакета, била хвостом, отчаянно сопротивлялась. Плясали стрелки на весах, и не понять было, каков же ее вес на самом деле. Брызги разлетались в разные стороны. Андрей не заслонялся, наблюдал, как укрощают сильную рыбу, гасят ее живую энергию.

Кое-как взвесили беспокойный пакет.

– Может, оглушить? – показала из-под прилавка колотушку продавщица.
– Будьте добры. – Андрей отвернулся, наклонил голову, полез в карман за карточкой, чтобы расплатиться.

Глухой звук догнал его, удар пришелся рыбе по голове, Андрей непроизвольно отметил это боковым зрением и неожиданно подумал, как это, должно быть, больно, когда ломают череп, внутренне напрягся.

Он устало шел домой, его преследовал звук ломаемых костей, затхлый запах магазинного аквариума.

Он подумал, что вода, должно быть, теплая, как тогда, в реке, и ощутил легкий спазм тошноты. Вязкий ком внутри уплотнился. Желания поесть не было, хотя и чувствовал сосущий голод.

«К рыбе, купленной в магазине, относишься как к еде. Пойманная самим рыба вызывает другие чувства», – подумал вдруг.

Звонок майора настиг его около подъезда.

– Товаррищ коррреспондент? Ну что ж ты осрамил меня на всю страну! На весь военный округ, перед личным составом… товаррищ коррреспондент! – скрипел, как стриж, буквой «р» недовольный майор.

– В смысле?

– Теперь до дембеля будут говорить, что у меня голова деревянная! – сказал с досадой, явно недовольный.

– А… вы про это! – засмеялся Андрей и тотчас пожалел о том, что засмеялся. – А по-моему, все получилось замечательно! Вы настоящий герой, очень скромный, но герой.

– Вот про это самое… сынок! Надо было на полигоне устранить эту вредную подсказку. Э-эх, старый чудак на букву «му», зарапортовался, не проконтролировал!

– Это такой прием… живинку внести в репортаж. Знаете, когда говорят дежурными фразами – скучно и неинтересно, а тут нормальные люди рассказывают другим нормальным людям нормальным языком. Все как в жизни, без шпаргалок, срежиссированных речовок.

Майор что-то говорил, вздыхал, был явно расстроен. Андрей не хотел его терять – в будущем он мог пригодиться. Поэтому откладывать примирение в долгий ящик не стоило. Усталый, он стоял у двери, тяжелый пакет оттягивал руку, хотелось домой, и надо было заканчивать затянувшийся разговор. Смотрел на кодовый замок, отмечая машинально, как он исцарапан, пакет слегка разошелся, слизь бурела сукровицей, просачивалась наружу тонкой струйкой, портила настроение.

Появилось желание отключить мобильник и пойти домой.

– С меня пол-литра, товарищ майор! – сказал вдруг. – Давайте на следующей неделе созвонимся, встретимся. И устаканим этот вопрос! Ну не гнать же в эфир опровержение после такого… боевого репортажа!

Майор опять повздыхал:

– И четыре пива – в шесть рядов!

– Наутро! – предложил Андрей.

– Черт молчаливый! Любого уговоришь, – пробурчал майор и с неохотой согласился.

Рыбина лежала на доске, пахла рекой, но тайны в ней не было. Андрей гладил ее, трогал обвисшее, мягкое брюшко, разглядывал с любопытством. Желтая, рябенькая темно-коричневыми пестринками, должно быть, маскировка, «камуфляжка» под речное дно, длинный плавник от середины, к хвосту, понизу и сверху, глаза серо-синие, замутненные гибелью, крупные, как пуговицы на пальто. Хвост скругленный, узкой лопаточкой. Морда острая, стремительная, пасть хищника. Палец в пасть сунул – зубы опасные, мелкие, частые и цеплючие. Оцарапался немного.

Печень и впрямь оказалась большой, непропорциональной телу, бело-розовой и мягкой.

– Так ее разглядываешь, словно сам только что поймал, – засмеялась Алена, – рыбу твоей мечты!

– Да. Рыба-мечт. Знаешь, у нее должна быть голубая икра. Только вот ушла – рыба! Представляешь, когда-то давно, в детстве, сорвалась. Скользкая очень, в руках не смог удержать. Так и преследовала меня всю жизнь! Глаза закрою – и вот она, скользит, исчезает среди бликов, уходит… уходит на глубину.

Он попытался вспомнить свои ощущения тогда, на реке, но уже без страха, скорее, с внутренним любопытством, и сейчас вновь удивился тому, что сразу не распознал рыбу в магазине. Впрочем, и видел-то ее в детстве коротко, какие-то мгновения, да и разглядывать особенно было некогда – рыба рвалась домой, в реку.

«Как беден мой язык! А мне ведь, как и майору, книжку некогда прочитать. Лежит на тумбочке, у кровати, открою – и сразу спать. Откуда взяться новым словам? Одни и те же слова… годами», – подумал Андрей, растираясь в ванной полотенцем.

Пока принимал душ, Алена запекла налима в духовке под белым соусом, поджарила на сливочном масле печень, овощи – до легкой корочки. Приборы на столе, салфетки, ложки серебряные. Маленький праздник.

Встретила его с улыбкой. Он заметил светлую блузку, джинсы, макияж, ему стало приятно, и он тоже улыбнулся.

Андрей вернулся в ванную, снял халат и тоже переоделся в джинсы и светло-фиолетовую байковую рубашку в клеточку.

Они сидели на кухне друг напротив друга, у раскрытого окна. Вечер – тихий и теплый. Он наполнил фужеры до половины. Терпкий аромат белого вина разбудил аппетит. Андрей понял, что очень голоден.

Печень и впрямь оказалась вкусной, нежной. Чем-то напоминала тресковую, но свежая, речная. Молчали. Громко тикали часы на стене. Горела свеча.

Потом ели мороженое с ромом. Любимое с детства мороженое Андрея – шоколадное. И это было важно для него сейчас.

«Ром – аромат. Хорошая игра слов. Что поделывает майор? Защитник Отечества! “Саперы ходят медленно, но лучше их не обгонять” – шутка гвар-

дии майора. Он уже спит, должно быть. Можно ли привыкнуть к смерти – рядом, ежедневно, ожидая вызова? Другие вызовы, разные вызовы. И всегда одно и то же – приглашение на смерть! Смертельная игра. И он – один-одинешенек, в своем одиночестве. Опять – тавтология. Трудно идут сегодня слова. Не рождаются. Нет, не так – рождаются с трудом. Что-то мешает их складывать легко, ловко и привычно. Устал сегодня. Такой длинный день. День выпотрошил меня, как налима. Занятная фраза».

– Сегодня ты меня не видишь в упор, – тихо сказала Алена, потерла пальцем край фужера, – не замечаешь, а я сижу – напротив. А-у-у!

Пламя свечи прилегло, неуверенно поколебалось, почти успокоилось. Они смотрели на него завороженно.

Послышался тонкий звук, как тогда в окопе. Возник вроде бы из ничего, зазвенел и поплыл из-под тонких пальцев Алены. Заполнил собой пространство маленькой кухни, встревожил. Растворился в заоконном полумраке и вновь возник – плавно, словно выплывал мягко из самой середины пустоты хрустального колокольчика фужера.

Прозрачный колокольчик – без «языка».

Андрей вздрогнул, отвлекся от своих мыслей.

– Ты есть, ты со мной. Поэтому я позволяю себе задуматься, – неожиданно заговорил, все более волнуясь.– Там, на полигоне, в окопе… голову поднял – бруствер, каждую травинку увидел, солнце вовсю, ослепило – смотреть больно. Потом взрыв, раскаты, солнце качнулось, накренилось куда-то вправо, запах свежей земли. Раскрытой земли, распахнутой, как рана на теле. Дышишь полной грудью, в ней прохлада, страшное что-то скрыто, и надышаться не можешь. А ничто ведь не угрожает сейчас, я ведь спрятался в крепком окопе. Представил – смерть, несется вот она – у левого соска… воет, летит. Куда? К кому? В кого – в соседа, в тебя, солдата, ребенка? Из ствола, из миномета, самолета? Смерть летит шальная, без разбора. Вот она – перед тобой. Дура ненасытная. Неуправляемая, как автомобиль на скользкой дороге, несется жутко… на огромной скорости. И ты это понимаешь мозгом, он говорит – стой, там смерть, а ничего не можешь прямо сейчас изменить, заслониться от этого ужаса. И надо встать, пойти… в атаку. Что надо себе сказать такое, чтобы встать вот так – в полный рост, встать и бежать, бежать, навстречу собственной смерти. И – сознательно… кинуть себя вперед! Заставить свое тело, деревянное, непослушное от страха – гнать, и снова бежать, бежать… себя заставить – бежать, может быть, в последний раз, перебирать не своими ногами… задыхаться от бега. И так – хочется жить! А нашей Катьке всего шесть лет.

Закончил неожиданно, очень тихо.

Алена молчала, смотрела широко раскрытыми глазами.

– Был ли страх? Испуг за себя? Аффект после взрыва? Что-то другое. Понимаешь? Секундное замешательство, паника. Потом – шок от этой простой мысли. Потрясение догнало меня вместе с взрывной волной. С запозданием. Опрокинуло.

– Момент истины…

– Момент истины. Да. Ужас. Так просто и страшно. – Он взял руку жены, поцеловал, подержал в своей руке, потерся щетиной.

Алена вздрогнула, осторожно провела свободной рукой по второй щеке:

– Мальчик ты мой, усталый.

Они вместе посмотрели в окно. Молодые березовые листочки в роще белели зеленым, молодым сиянием, этот свет шел в дом вместе с ночной свежестью, нес короткое успокоение.